

ИЗВѢСТІЯ ПО ПЕТРОГРАДСКОЙ ЕПАРХІИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ ОБЩЕСТВОМЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ДУХЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Разсылаются при журналѣ „Воскресный Благовѣстъ“, еженедѣльно.

Годовая цѣна Воскреснаго Благовѣста—3 руб., съ Извѣстіями—6 руб.

Отдѣльно на Извѣстія подписка не принимается.

№ 32.

14-го августа.

1915 г.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Указомъ Св. Синода, отъ 3-го августа 1915 года за № 10602, при Троицкой Рѣдкинской церкви, Ямбургскаго у., открыты вторая священническая и вторая псаломщическая вакансіи; на содержаніе по симъ вакансіямъ назначено по 400 р. въ годъ, въ томъ числѣ священнику 300 р. и псаломщику 100 р.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, отъ 23 іюля—1 августа церковь въ дер. Кушелкино, Гдовскаго у., включена въ первый благочиннической округъ Гдовскаго уѣзда.

Назначены пенсіи изъ казны: вдовѣ псаломщика *Евдокии Екимовой* съ четырьмя дѣтьми 66 р. 66 к. въ годъ.

Перемѣщены: 31-го іюля—священникъ Выскатской церкви, Гдовскаго у., *Алексѣй Заборовскій*—къ церкви с. Сижно, того-же уѣзда; священникъ Кресто-Ольгинской церкви, Гдовскаго у., *Леонидъ Дымскій*—въ с. Куйвози, Петроградскаго уѣзда.

Утверждены: 1 августа—протоіерей Петроградской Вознесенской церкви *Александръ Маляревскій*—помощникомъ благочиннаго VI столичнаго округа.

Уволены въ отпускъ: настоятель Митрофаньевской кладбищенской церкви протоіерей *Александръ Каминскій*—съ 17 августа по 25 сентября.

Умершіе: священникъ церкви дѣтской больницы Принца Ольденбургскаго *Василій Османскій*—25 іюля.

Вакансіи при церквахъ:

а) священническія:

При Елизаветинскомъ Институтѣ.

- » Убѣжищѣ Принцессы Ольденбургской.
- » Подворьѣ Радочницкаго монастыря.
- » Кушелкинской церкви, Гдовскаго у.
- » Убѣжищѣ Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.
- » Матѳеевской церкви гор. Петрограда.
- » церкви дѣтской больницы Принца Ольденбургскаго.

Въ Лугѣ, въ Эстонскомъ приходѣ.

- » с. Ивановскомъ, Ямбургскаго уѣзда.
- » с. Рѣдкинѣ, Ямбургскаго уѣзда.
- » с. Выскаткѣ, Гдовскаго уѣзда.
- » с. Ольгинѣ Крестѣ, Гдовскаго уѣзда.

б) діаконскія:

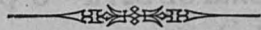
При Общинѣ сестеръ милосердія во имя Христа Спасителя.

При подворьѣ Радочницкаго монастыря.
 » церкви министерства внутрен. дѣлъ.
 » Бѣльской церкви, Гдовскаго уѣзда.
 Въ с. Щепцѣ, Гдовскаго уѣзда.

в) псаломщическія:

При гимназіи Императора Петра Великаго.
 » Лондонской Посольской церкви.

При Петроградскомъ Университетѣ.
 » Кушелкинской церкви, Гдовскаго у.
 Въ с. Заяньѣ, при Эстонск. церкви.
 » с. Сойкинѣ, Ямбургскаго уѣзда.
 » с. Велень, Гдовскаго уѣзда.
 » с. Рѣдкинѣ, Ямбургскаго уѣзда.
 На Смоленскомъ кладбищѣ (двѣ).

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мысли о церковной импровизаціи.

(Продолженіе ¹⁾).

Мы начнемъ съ опредѣленія импровизаціи. Въ чемъ она состоитъ? Очень сомнѣваемся, чтобы были такіе пастыри, которые понимали-бы ее такъ, какъ говорилъ авторъ приведеннаго въ началѣ статьи отзыва, т. е., могу, дескать, говорить хоть цѣлый день и на любую тему, ибо это не импровизація, а глупость и невѣжество, о которыхъ не можетъ быть и рѣчи. Проповѣдникъ - импровизаторъ отличается отъ неимпровизатора тѣмъ, что когда послѣдній свои проповѣди непременно предварительно записываетъ и безъ такой записи ничего не рѣшается сказать народу, первый, импровизаторъ, свою проповѣдь, заранее приготовленную, облачаетъ въ словесную форму при самомъ произношеніи. Этой стороны главнымъ образомъ и касается импровизація, хотя простирается и далѣе. При произношеніи проповѣднику можетъ случиться надобность измѣнить самый планъ, привести другіе доводы, высказать новыя, не предвидѣнныя заранее мысли, иногда блестящее яркое сравненіе. Словомъ, импровизаторъ является полнымъ хозяиномъ

своего слова. Чаще оказывается надобность сокращать приготовленную проповѣдь, кое-что выпустить.

Но импровизаторъ готовится къ своей проповѣди не менѣе всякаго другого оратора, только подготовка его совсѣмъ иная.

Проповѣдникъ не импровизаторъ при приготовленіи проповѣди преимущественно долженъ обращать вниманіе на ея внѣшнюю, словесную сторону, хотя въ существѣ эта сторона все же второстепенная, это, такъ сказать, оболочка проповѣди. Говоримъ: преимущественно, потому что иначе, безъ записи, онъ не можетъ сказать проповѣди, а говорить, положимъ, необходимо. Недостатокъ изученія вопроса, углубленія въ него, недочетъ въ доводахъ—все это для него сойдетъ, былъ-бы текстъ проповѣди написанъ. Проповѣдникъ-же импровизаторъ, оставляя въ сторонѣ словесную форму, весь трудъ свой сосредоточиваетъ на самомъ содержаніи проповѣди. Для него слова найдутся, были-бы ясны мысли, послѣдовательно обдуманъ вопросъ, сильны доводы. Одинъ изъ современныхъ не церковныхъ ораторовъ о приготовленіи своихъ рѣчей говорилъ такъ: «я семь разъ напишу рѣчь, чтобы въ восьмой сказать совершенно новую». И такой трудъ подготовки совершенно естествененъ. Для упражняющихся въ импровизаціи понятно и это несходство самой рѣчи съ напередъ заготовляемыми,

¹⁾ См. № 31 „Изв.“

особенно въ условіяхъ политическаго и судебного ораторства. Впрочемъ, для церковнаго оратора возможно заранѣе тщательно изучить нѣкоторые отдѣлы вѣроученія, нравоученія, библейской и церковной исторій и имѣть всегда готовый матеріалъ для своихъ рѣчей. Несомнѣнно немало, напр., найдется священниковъ, которые, положимъ, прекрасно знаютъ отдѣлы о таинствахъ. Много ли при такихъ условіяхъ нужно подготовиться проповѣднику къ проповѣди, если онъ владѣетъ словомъ. Но это никакъ не будетъ проповѣдью безъ подготовки. Словомъ, для оратора церковнаго возможна подготовка общая, состоящая въ постоянномъ изученіи Слова Божія и предметовъ вѣры, а она-то и имѣетъ преимущественное значеніе. Въ этомъ отношеніи ораторъ церковный стоитъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ ораторы политическіе и судебные, въ каждомъ выступленіи имѣющіе случаи индивидуальныя, требующіе спеціального всякій разъ изслѣдованія и спеціальной подготовки. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ трудъ импровизатора въ отвѣтъ на существующій взглядъ, между прочимъ, видимо, предполагаемый и проф. В. Θ. Пѣвницкимъ на импровизацію, какъ на проповѣдь будто бы безъ труда, на проповѣдь легкую. Намъ кажется, что это совсѣмъ не такъ. Импровизація требуетъ никакъ не меньшаго труда, чѣмъ и запись проповѣдей. Кромѣ подготовки, чего стоитъ импровизатору каждое выступленіе. Архіепископъ Амвросій Харьковскій, въ этой области высокій авторитетъ, замѣчаетъ, что всякій разъ послѣ импровизаціи проповѣдникъ чувствуетъ крайнее утомленіе, тогда какъ спокойное чтеніе по запискѣ едва-ли требуетъ отъ проповѣдника какого-либо напряженія. Но только трудъ импровизатора иной и совершается онъ иначе. Поэтому всѣ выдержки у проф. Пѣвницкаго изъ авторитетныхъ проповѣдниковъ, въ томъ числѣ изъ святыхъ отцевъ, о томъ, что пастырь долженъ напряженно трудиться въ дѣлѣ проповѣди, нельзя считать го-

ворящими противъ церковной импровизаціи.

Какая-же проповѣдь имѣетъ преимущество—записанная или импровизированная, которая лучше?

Несомнѣнно, написанная проповѣдь имѣетъ значительныя преимущества предъ импровизированной со стороны грамматики, синтаксиса. Языкъ ея глаже, слогъ правильнѣе. Можетъ быть и планъ строже выдержанъ, и изложена она систематичнѣе. Но въ отношеніи дѣйственности и вліянія на слушателей слово импровизированное, по нашему мнѣнію, стоитъ несомнѣнно выше. Архіепископъ Амвросій въ своемъ прекрасномъ трудѣ: «Живое слово» приводитъ такой фактъ. Когда ему приходилось издавать ранѣе сказанныя имъ импровизаціи и дарить ихъ своимъ слушателямъ, то послѣдніе, отзываясь съ похвалами о проповѣдяхъ, говорили,—хороши, де, проповѣди, а вотъ тѣ, которыя вы говорите, лучше.—Почему-бы, спросимъ мы. Вѣдь, внѣ всякихъ сомнѣній, записанная импровизированная рѣчь должна имѣть преимущества предъ сказанной. При записи въ ней, конечно, исправлены всѣ допущенныя при произнесеніи грамматическіе и другіе недочеты, дополнено недосказанное, выпущено лишнее. Но она лучше, прибавимъ мы отъ себя, какъ свѣжій продуктъ лучше консервовъ, а записанная рѣчь это всегда консервированная рѣчь. Есть, намъ кажется, особая прелесть слова, только что, такъ сказать, рождающагося, идущаго что самаго сердца, именно живого, какъ бы трепещущаго. «Слово писанное», по выраженію архіепископа Амвросія, «въ лучшемъ своемъ значеніи, есть озеро воды, собранной вѣками и заготовляемой для будущаго; слово-же устное есть ключъ живой воды, бьющій прямо изъ источника, журчащій и сверкающій предъ глазами путника и съ особенною силою манящій его къ утоленію жажды».

Записанную проповѣдь проповѣднику приходится читать по тетрадкѣ; а какъ-бы ни было хорошо чтеніе, оно никогда

не замѣнить слова устнаго. Связанный записью, проповѣдникъ не смотритъ на своихъ слушателей, и тѣ не видятъ ни глазъ, ни оживленнаго лица проповѣдника, и нѣтъ между ними той живой, взаимно гипнотизирующей связи, которая такъ чувствуется, такъ бодритъ проповѣдника и такъ воодушевляетъ слушателей при живой рѣчи. Такая проповѣдь обращается въ большинствѣ случаевъ въ скучное, монотонное чтеніе, отъ котораго или уходятъ слушатели, или же, скрѣпя сердце, съ нетерпѣніемъ, выражаемымъ общимъ покашливаніемъ и др. звуками, ожидаютъ его окончанія. И это прекрасно чувствуютъ многіе проповѣдники и прибѣгаютъ въ особыхъ случаяхъ къ заучиванію наизусть своихъ рѣчей, чтобы имѣть хотя-бы видъ свободно говорящаго оратора. Считаемъ, что этотъ послѣдній пріемъ хуже перваго, т. е., чтенія. Судите сами, каково будетъ состояніе духа оратора, неизбѣжно тревожимаго мучительною заботою, какъ-бы не забыть какого слова и не оборваться. Можетъ-ли въ такомъ положеніи человѣкъ говорить свободно, убѣждая въ чемъ слушателей или разъясняя какую истину. Никогда. Отъ такого оратора получается впечатлѣніе не спокойнаго учителя церковнаго, а скорѣе неувѣреннаго ученика, съ робостью отвѣчающаго урокъ свой и радующагося его окончанію. Проф. Пѣвницкій въ книгѣ своей приводитъ такой случай съ архіепископомъ Одесскимъ Димитріемъ. Оканчивая Духовную Академію, онъ, по назначенію начальства, выступилъ съ заранѣе заготовленною имъ и выученною наизусть рѣчью предъ митрополитомъ. Но память ему измѣнила, онъ смѣшался, остановился, и оборванная рѣчь осталась неоконченной. Состояніе совершенно понятное. Подобное всегда можетъ случиться съ человѣкомъ, понадѣющимся на свою память, и такой страхъ всегда долженъ его сковывать. Проф. Пѣвницкій прибавляетъ, что этотъ случай имѣлъ значеніе на всю жизнь архіепископа Димитрія. Обладая живымъ словомъ и всѣми способностями

для импровизаціи, онъ никогда послѣ этого не рѣшался выступить предъ народомъ съ проповѣдью безъ записки. На этомъ примѣрѣ наглядно оправдывается и слѣдующее замѣчаніе архіепископа Амвросія: «пропалъ импровизаторъ, если на первыхъ порахъ случится съ нимъ что-либо подобное (стр. 83)». Но намъ кажется, скажемъ кстати, что подобныя неудачи никакъ не должны бы имѣть такихъ послѣдствій. Что-же изъ того, что сконфузился проповѣдникъ? что оборвалась его рѣчь? Не правильнѣе-ли слѣдующее сужденіе, которое намъ привелось слышать отъ одного скромнаго священника, оказавшагося въ подобномъ положеніи. «Что-же дѣлать, говорилъ онъ, невѣрные шаги неизбѣжны. Никто не научится и не можетъ научиться говорить безъ промаховъ и ошибокъ. Хочешь добиться своего, потерпи и стыдъ»... Такъ-бы, думаемъ, слѣдовало отнестись къ неизбѣжнымъ въ началѣ неудачамъ каждому, выступающему на путь импровизаціи, проповѣднику. Нельзя-же христіанскому пастырю имѣть столь чувствительное самолюбіе, что, боясь конфуза, оставлять свое прямое дѣло, лишь-бы не потерпѣла его личность.—Дѣло-бы не пострадало, проповѣдь-бы не потерпѣла, долгъ-бы пастырскій исполненъ былъ предъ Богомъ. А надъ проповѣдникомъ всегда и смѣяться будутъ, и поносить будутъ, и ругать будутъ... Это, можно сказать, своего рода законъ міра, всегда на церковь, Христа и служителей Его воюющаго.

Но возвратимся къ поставленному вопросу. Этихъ указанныхъ недостатковъ не имѣетъ рѣчь импровизированная. Импровизаторъ свободенъ въ своемъ словѣ, и онъ можетъ говорить, какъ власть имѣющій. Онъ поставленъ быть учителемъ своей паствы, и онъ, по мѣрѣ силъ своихъ и данной ему благодати, дѣйствительно учитель вѣры. Что-же касается нѣкоторыхъ естественныхъ при импровизаціи недочетовъ и грамматическихъ, и синтаксическихъ, и прочихъ, то они и не всегда замѣтны въ живой рѣчи, и покрываются другими ея

достоинствами. Почитайте стенограмму самой лучшей импровизированной рѣчи, и сколько въ ней окажется шероховатостей и всякихъ неправильностей, но тѣмъ не менѣе она произвела прекрасное впечатлѣніе, имѣла успѣхъ и оказала свое дѣйствіе, какихъ никогда не достигла-бы рѣчь писанная. Очевидно, устное слово имѣетъ свои особые законы. Есть вѣрное выраженіе: «плохая похвала оратору сказать—говорить, какъ пишетъ». Въ живой рѣчи иногда одно слово замѣняетъ цѣлыя фразы или одинъ жестъ десятки словъ. Главное-же здѣсь то, что проповѣдникъ-импровизаторъ живетъ въ своемъ словѣ, напряженно мыслить, живо чувствуетъ, и непосредственно отъ сердца течетъ рѣчь его. Тутъ между нимъ и слушателями нѣтъ никакой преграды, ихъ ничто не раздѣляетъ, они сливаются въ одномъ чувствѣ, между ними создается удивительная связь. Проповѣдникъ инстинктивно чувствуетъ настроеніе слушателей, заражается ихъ воодушевленіемъ, замѣчаетъ самое незначительное ихъ утомленіе и въ такихъ случаяхъ или приподнимаетъ ихъ настроеніе, или же сокращаетъ свою рѣчь. Намъ кажется, что только такая рѣчь можетъ воодушевлять, можетъ влечь за собою.

Впрочемъ, вопросъ о преимуществахъ той или иной рѣчи не рѣшаетъ дѣла въ пользу записыванія проповѣдей или ихъ импровизаціи. Важнѣе другое. Какой родъ проповѣди обезпечиваетъ нормальное положеніе церковнаго учительства? Пусть, скажемъ примѣрно, золотые и серебряные сосуды лучше оловянныхъ или парчевыя ризы лучше полотняныхъ, но вся суть въ томъ, чтобы были сосуды, были ризы, а какіе, это дѣло второстепенное. Такъ и относительно проповѣди. Нельзя требовать, чтобы вездѣ было самое совершенное слово, но должно, чтобы оно непременно было, чтобы учительство пастырское не ослабѣвало. Съ этой стороны, намъ кажется, слово писанное никакъ не можетъ замѣнить слова устнаго, и пастырь, не практикующій слова устнаго и не вла-

дѣющій имъ, не можетъ выполнить возложеннаго на него долга учительства церковнаго. Вѣдь, онъ долженъ, по завѣту апостола, проповѣдывать, «благовременне и безвременне», т. е., во всякой обстановкѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, при всякомъ общеніи съ пасомыми. Священникъ всегда учитель вѣры. Можно-ли это осуществить безъ устнаго слова? Возьмемъ примѣры изъ обыкновенной жизни. Вотъ позвали батюшку на молебенъ. Собрались рабочіе. Хозяинъ ихъ проситъ священника: предупредите, дескать, батюшка, чтобы народъ поменьше пьянствовалъ, или оставилъ сквернословіе, или о чемъ-ниб. другомъ подобномъ. Чего-бы, кажется, лучше? Православные хотятъ слова, просятъ слова. Надо бы дорожить такимъ моментомъ, а священнику, связанному привычкой читать по запискамъ составленныя поученія, приходится подъ разными благовидными предлогами отказываться. Хорошо-ли это? На высотѣ-ли своего положенія пастырь-учитель? Или, напр., при совершеніи погребеній, кому, кажется, утѣшить людей, неутѣшно скорбящихъ, безнадежно рыдающихъ, какъ не пастырю? а бываетъ, и попросятъ объ этомъ. И что-же?—«Не написано, подождите».—Неужели такъ? И не печально-ли это? Такихъ случаевъ, и ничуть не выдумывая, можно приводить множество. Высокопреосвященный Амвросій вспоминаетъ, какъ молодымъ еще священникомъ онъ въ случайномъ разговорѣ жаловался Ф. В. Самарину на безпорядочность простого народа при исполненіи обрядовъ, при поклоненіи св. иконамъ и при помазаніи св. елеемъ.

— Что же вы народъ не останавливаете? говоритъ Федоръ Васильевичъ.

— Да какъ мы его остановимъ, когда и полиція часто не знаетъ, что съ нимъ дѣлать?

— Вы обязаны говорить народу и учить его, когда замѣчаете въ храмѣ безпорядки, кто-же и долженъ дѣлать это, если не вы? Говорите чаще, говорите всякій разъ въ ту самую минуту, когда замѣчаете безпо-

рядокъ, обличайте на мѣстѣ нарушителей порядка,—тогда всѣ будутъ васъ слышать и привыкнуть слушаться!

— Ну къ этому мы не привыкли, не водится у насъ и не умѣемъ мы говорить сейчасъ въ данную минуту по требованію обстоятельствъ.»

Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, священнику молчать, когда въ храмахъ чуть не на смерть давятъ людей? А, вѣдь, это до сихъ поръ можно видѣть почти повсюду. И все одинъ отвѣтъ: «не написано». Возьмите сектантское движеніе, сколько здѣсь предстоитъ для пастыря встрѣчъ, запросовъ, разговоровъ. Можно ли ограничиться и тутъ однимъ писаніемъ проповѣди?—Нѣтъ, жизнь быстро и разнообразно течетъ, не ждетъ, предъявляя къ пастырю тысячи запросовъ, за которыми никогда не угнаться составленіемъ и писаніемъ проповѣдей. Не всякій-ли христіанинъ и тѣмъ болѣе пастырь, по апостолу долженъ дать отчетъ о своемъ упованіи, и что-же будетъ это для священника, какъ не своего рода проповѣдь. Все требуетъ отъ священника устнаго слова. Пусть онъ пишетъ, сколько угодно, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. По глубоко вѣрному замѣчанію знаменитаго оратора Цицерона: «стихъ есть лучшій учитель». Писаніе проповѣдей является прекраснѣйшимъ средствомъ научиться ихъ составленію, но пусть говоритъ всегда, когда того требуютъ обстоятельства.

Возьмемъ систематическую проповѣдь церковную по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Къ ней-то, кажется, можно бы приготовиться священнику, какъ слѣдуетъ: и почитать, и матеріалъ собрать и подумать, составить планъ, конспектъ, и написать проповѣдь, и переписать.

Далеко не всегда. Думаемъ, что немногіе священники окажутся въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ спокойной жизни, большинство же и не располагаютъ свободнымъ временемъ, и во всякомъ случаѣ свободное время ихъ случайно. Расчиталъ, примѣрно человѣкъ, отдать сегодня

вечеръ на составленіе проповѣди, а тутъ, смотришь, позвали пособоровать или причастить больного, или пришли люди съ какими-нибудь неотложными нуждами, и пропалъ вечеръ, и на завтра случилось то же. Словомъ, на каждый день можетъ оказаться своя нужда и неотложная работа. Главное, что въ жизни священника много случайнаго. Выполнить все въ отношеніи составленія и писанія проповѣдей очень часто, независимо отъ человѣка, не оказывается возможнымъ, а писаніе и переписываніе проповѣдей трудъ большой, требующій многихъ часовъ и не одного вечера. Вотъ и приходится человѣку ограничиться главнѣйшимъ и необходимѣйшимъ, т. е., почитать, собрать матеріалъ, а подумать, такъ сказать, переварить сію пищу духовную, планъ составить, подобрать подходящіе образы, сравненія, намѣтить доводы, все это предстоитъ сдѣлать не такъ, какъ-бы хотѣлось, съ комфортомъ, за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукѣ, а походя, на извожикѣ, въ трамваѣ и во всякомъ другомъ положеніи. Что же касается словесной формы, то, конечно, о ней думать не всегда приходится. Готовая проповѣдь облечется въ свою форму при самомъ произношеніи ея.

Намъ кажется, что таковы требованія жизни, и худо-ли то, хорошо-ли, но не можетъ умѣститься она въ рамки одного писанія проповѣдей.

Прот. *Евг. Кондратьевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія.

Перепечатка писемъ воспрещается.

Письма Высокопреосвященнѣйшаго Антонія.

Дорогіе мои родители!

Я Вамъ все не пишу потому, что бывають у меня живые свидѣтели, которые доставляютъ Вамъ извѣстія обо мнѣ. При томъ при началѣ учебнаго года скопляетъ

ся столько разныхъ хлопотъ, работъ и заботъ, что совсѣмъ не находишь времени писать. Живу я пока, по милости Божіей, слава Богу, хорошо. У меня уже теперь много перебивало родныхъ. Осталось Вамъ, Папаша, пріѣхать ко мнѣ.

Любящій Васъ сынъ Вашъ *Антоній*.
Тетушку и Костю цѣлую.
Суворовымъ кланяюсь.

СПБ. 20-го августа 1887 года.

Дорогіе мои родители!

Письмо Ваше я получилъ 31 іюля. Это было черезъ день послѣ моего возвращенія изъ Выборга, куда я ѣздилъ для обозрѣнія церквей по порученію митрополита. Меня тамъ встрѣтили, приняли и проводили весьма привѣтливо и радушно, и я самъ вынесъ изъ этой поѣздки весьма доброе впечатлѣніе. Русскихъ—православныхъ тамъ немного. Они окружены шведами и финнами, но, какъ и вездѣ на святой Руси, радушны, привѣтливы и религіозны. Квартиру я имѣлъ у протоіерея. Все наличное духовенство посѣтилъ въ ихъ квартирахъ, не исключая и о. діакона, чѣмъ были всѣ довольны. Былъ въ солдатскомъ лазаретѣ, обошелъ всѣхъ больныхъ солдатъ, поговорилъ съ каждымъ и благословилъ. Былъ, конечно, и у всѣхъ свѣтскихъ властей.

По ходатайству в. к. Александры Іосифовны я утвержденъ Государынею, съ 18 іюня, въ званіи почетнаго члена Совѣта дѣтскихъ пріютовъ. Въ качествѣ увѣдомленія объ этомъ получилъ отъ великой княгини на рескриптѣ, на которомъ она собственноручно подписала: «почитающая Васъ и рассчитывающая на Ваше столь мнѣ нужное содѣйствіе: Александра». По званію почетнаго члена она поручаетъ мнѣ наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія въ вѣранныхъ ея попеченію дѣтскихъ пріютахъ. Вообще вел. княгиня очень ко мнѣ благосклонна. 11-го августа попросила меня пріѣхать на Царскосельскій

вокзалъ въ Царскія комнаты. Здѣсь она представила меня своей дочери королевѣ Эллиновѣ, которой: говоритъ, «я о васъ много писала и говорила». Разговаривалъ я со всѣми, но болѣе всего съ в. к. Константиномъ Николаевичемъ. Были тутъ и вел. князя: Константинъ и Димитрій. При прощаніи вел. княгиня сама попросила благословенія и попросила благословить и дѣтей ея, начиная съ королевы. Королева очень симпатичная и красивая.

У насъ теперь начались пріемные экзамены. Сережа пишетъ, что лѣто онъ все хандрилъ. Что вы его не прогнали ко мнѣ. Я бы его развеселилъ и утѣшилъ. Причина его болѣзни мнѣ извѣстна.

Къ празднику Александра Невскаго жду дорогого подарка. Къ этому дню отъ одного купеческаго дома изъ Казани заказано мнѣ здѣсь архіерейское облаченіе въ 1200 р. Парча по 150 р. аршинъ. Будьте здоровы.

Тетушку и Костю цѣлую. Суворовымъ кланяюсь.

1889 г. 27 Іюля.

Дорогіе мои родители!

О своемъ благополучномъ прибытіи въ Петербургъ я извѣщалъ васъ телеграммой. Какъ же близко я живу отъ Васъ. Всего только на разстояніи двухъ дней пути.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я сильно заскучалъ. Никого нѣтъ изъ моихъ ближайшихъ сослуживцевъ. Одинъ и одинъ. Такъ стало скучно, что я чуть было не заболѣлъ. Но, слава Богу, все обошлось благополучно.

21-го числа, въ пятницу, на третій день по своемъ пріѣздѣ, я съ Владиміромъ Карловичемъ ѣздилъ на дачу къ оберъ-прокурору. Разспрашивалъ онъ меня о моей поѣздкѣ и дорожныхъ впечатлѣніяхъ. Послѣ завтра, въ субботу, опять поѣду къ оберъ-прокурору. Приглашенъ обѣдать. Онъ ко мнѣ очень внимателенъ и ласковъ.

Въ Академіи я нашелъ все въ порядкѣ. Всѣ живущіе здѣсь, не разъѣхавшіеся сослуживцы мои встрѣтили меня съ любовью.

Со мной вмѣстѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Константинъ Климентовичъ Десницкій, мужъ Варвары Степановны. Онъ жилъ у меня и уѣхалъ только въ понедѣльникъ.

Благодарю Васъ за всю Вашу ко мнѣ ласку и любовь. Мнѣ у Васъ жилось такъ тепло, уютно, привѣтливо, какъ давно уже не жилось, да и никогда не придется. Одному холодно жить и жутко. Но что дѣлать. Божья воля. Богъ призвалъ меня къ тому, чтобы другихъ согрѣвалъ я привѣтомъ, любовію и молитвою.

Будьте здоровы и молитесь за меня, чтобы Богъ сохранилъ меня отъ припадковъ тоски и скуки.

Тетушку и Костю цѣлую.

Любящій Васъ сынъ Вашъ

Епископъ *Антоній*.

СПБ. 1889. 12 Октября.

Дорогіе мои родители!

Письмо Ваше получилъ. Весьма радъ, что Вы здоровы и благодущны. Дай Богъ, чтобы такъ было всегда и неизмѣнно. Вы пишете, что у Васъ въ сентябрѣ стояла совсѣмъ весенняя погода. У насъ въ Петербургѣ было также весьма тепло. Здѣсь не запомнятъ такой теплой осени. Но теперь, хотя и стоитъ ясная погода, стало уже холодно. Сегодня было пять градусовъ холода. Нашъ о. Михаилъ по болѣзни опять взялъ отпускъ на четыре мѣсяца въ Крымъ. Онъ былъ боленъ воспаленіемъ легкихъ. Поправится-ли онъ совсѣмъ, Богъ вѣсть. Нѣкоторые подозрѣваютъ въ немъ скоротечную чахотку. Но мнѣ этому не хочется вѣрить. Теперь должность инспектора исправляетъ о. Антоній. Весь сентябрь мѣсяцъ за всѣмъ приходилось смотрѣть мнѣ одному. Вообще постоянно я занятъ дѣлами. Въ субботу, 14 октября, я поѣду въ Выборгъ, гдѣ въ воскресенье буду освящать соборъ, подвергавшійся капитальной ремонтноровкѣ.

Среди нашихъ студентовъ сильное стремленіе къ монашеству. Осенью я уже чет-

верыхъ постригъ, подалъ прошеніе пятый. Будутъ и еще. Идутъ все люди хорошіе. Я радуюсь такому благочестивому настроенію нашихъ молодыхъ студентовъ.

Помолитесь за меня и за нихъ. Тетушку и Костю цѣлую.

Казанскій экзаменъ выдержалъ, но въ списокъ занялъ мѣсто невысокое и не былъ принятъ по недостатку помѣщенія въ Академіи.

Любящій Васъ сынъ Епископъ *Антоній*.

1889. 24 Декабря.

Дорогіе мои родители!

Поздравляю Васъ съ свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ Новымъ годомъ. Молитвенно желаю Вамъ здоровья, долгоденствія и неизмѣнно свѣтлыхъ и радостныхъ дней жизни. Да будетъ въ душѣ Вашей такъ же чисто, свѣтло, божественно и радостно, какъ это было въ Виолеемскомъ вертепѣ, гдѣ родился Христосъ. Да слышится и отзывается въ ней ангельская пѣснь: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ».

Теперь у насъ въ Петербургѣ половина 5-го вечера. Черезъ полтора часа пойду ко всеобщей и буду служить.

«Христосъ раждается, славите».

Да будетъ Родившееся Отроча всегда съ Вами.

Цѣлую тетушку и Костю.

Любящій Васъ сынъ Вашъ

Епископъ *Антоній*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ **оффиціальныи**: Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Вакансіи при церквахъ. — Отдѣлъ **неоффиціальныи**: Мысли о церковной импровизаціи. Прот. *Евг. Кондратьевъ*. — Письма Высокопреосв. Митрополита Антонія.

Редакторы: Прот. *Е. Кондратьевъ*.
Прот. *І. Слободской*.